

О. В. Русаковский

**«ИССОХЛИ КОСТИ НАШИ,
И ПОГИБЛА НАДЕЖДА НАША»:
ЛОКАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ОБРАЗ ИСТОРИИ
ВЮРТЕМБЕРГСКОГО БЮРГЕРСТВА
ЭПОХИ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ**

Как и всякий большой катаклизм, Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. означала для пережившего ее поколения слом привычного миропорядка, переоценку ценностей и переосмысление сложившихся идентичностей. Три ведущих конфессии, оформившиеся в предшествующее столетие, не могли в прежней мере определять поведение немецких элит, а католическая и протестантские церкви значительно ослабли в политическом и финансовом отношении. Самые причудливые формы коллективной религиозности соседствовали с развивающимся пиетистским представлением о значимости личной набожности и даже разочарованием в официальном культе¹. Протонациональные представления о единстве всех немцев оставались уделом немногих интеллектуалов, оплакивавших бедственное положение Германии под иноземным владычеством²,

¹ См. *Kaufmann, Th.* *Dreißigjähriger Krieg und Westfälischer Friede: Kirchengeschichtliche Studien zur lutherischen Konfessionskultur.* Tübingen, 1998; *Lehmann, H., Trepp, A.-Ch.* *Im Zeichen der Krise: Religiosität im Europa des 17. Jahrhunderts.* Göttingen, 1999.

² См. *Лазарева, А. В.* «Союз меча и языка»: Развитие немецкой национальной идеи в первой половине XVII в., В кн.: *Средние века.* 2018. Вып. 78. С. 99–118.

и не получили сколь-нибудь широкого распространения. Война вырывала сотни тысяч людей из привычного им уклада, разрушала семейные узы и сложившиеся отношения внутри небольших общин, а также побуждала к рефлексии относительно изменившихся условий собственного существования, выразившейся в росте числа источников личного происхождения — дневниковых и автобиографических записей, авторы которых по-новому осмыслили свой опыт войны³.

Вместе с тем, идентичности, связанные с уже существовавшими территориально-политическими общностями, выдержали испытание. Структуры Священной Римской Империи Германской Нации были восстановлены после заключения Вестфальского мира, а риторика возвращения к довоенной политико-юридической ситуации преобладала в имперской публицистике и политическом сознании многих мелких субъектов Империи конца 1640-х гг.⁴ Большинство крупных и средних немецких княжеств столкнулись с военными поражениями, резким сокращением населения и вакуумом власти, вызванным бегством или смертью княжеских чиновников и оскудением финансовых ресурсов⁵. Измученное войной население в большинстве случаев сохранило лояльность своим

³ См. *Roeck, B.* Der Dreißigjährige Krieg und die Menschen im Reich: Überlegungen zu den Formen psychischer Krisenbewältigung in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts, in: *Krieg und Frieden: Militär und Gesellschaft in der Frühen Neuzeit* / B. Kroener, R. Pröve. Paderborn/München/Wien/Zürich, 1996. S. 265–280; *Krusenstjern, B. von.* Selbstzeugnisse der Zeit des Dreißigjährigen Krieges: Beschreibendes Verzeichnis. Berlin, 1997; *Zwischen Alltag und Katastrophe: Der Dreißigjährige Krieg aus der Nähe* / Hrsg. von B. von Krusenstjern, H. Medick. Göttingen, 1999. О понятии «опыт войны», в частности, в применении к Тридцатилетней войне см.: *Das Strafgericht Gottes: Kriegserfahrungen und Religion im Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges.* Beiträge aus dem Tübinger Sonderforschungsbereich «Kriegserfahrungen, Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit» / Hrsg. von M. Asche, A. Schindling. Münster, 2001.

⁴ См. *Schindling, A.* Reichsinstitutionen und Friedensverwaltung nach 1648, in: *Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit: Die europäische Staatenordnung und die außereuropäische Welt* / Hrsg. von R. Asch, W. E. Voss, M. Wrede. München, 2001. S. 259–291.

⁵ См., например, *Прокотьев, А. Ю.* Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585–1656): Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011; *Kleinehagenbrock, F.* Die Grafschaft Hohenlohe im Dreißigjährigen Krieg: Eine erfahrungsgeschichtliche Untersuchung zu Herrschaft und Untertanen. Stuttgart, 2003.

князьям и существующим системам подчинения и господства, что обеспечило постепенное восстановление хозяйственной, социальной и политической жизни немецких земель в послевоенные десятилетия⁶. Сходной была и ситуация в вольных имперских городах, многие из которых, навсегда потеряв прежнее экономическое значение, преодолели внутренние конфессиональные распри, смогли пережить вражескую оккупацию и полностью восстановили органы коммунального управления, гарантировавшие их относительную самостоятельность на следующие полтора столетия⁷. Похожие процессы происходили и в небольших городских и сельских общинах, находившихся под властью князей, но традиционно располагавших определенной долей политической самостоятельности и развитым ощущением локальной идентичности⁸.

* * *

В настоящей статье речь пойдет о том, как Тридцатилетнюю войну воспринимали члены и, прежде всего, верхушка одной из таких общин — города Битигхайм в герцогстве Вюртемберг⁹.

⁶ К относительной стабильности социальных структур после Тридцатилетней войны см.: *Press, F. Soziale Folgen des Dreißigjährigen Krieges*, in: *Ständische Gesellschaft und soziale Mobilität* / Hrsg. von Schulze W. München, 1988. S. 239–268.

⁷ См., например: *Roeck, B. Eine Stadt in Krieg und Frieden: Studien zur Geschichte der Reichsstadt Augsburg zwischen Kalenderstreit und Parität*. Göttingen, 1989; *Friedrichs, Chr. R. Urban Society in an Age of War: Nördlingen, 1580–1720*. Princeton, NJ, 1979; *Der Krieg vor den Toren: Hamburg im Dreißigjährigen Krieg 1618–1648* / Hrsg. von Knauer M., Tode S. Hamburg, 2000.

⁸ См., например, *Blickle, P. Kommunalismus: Skizzen einer gesellschaftlichen Organisationsform*. München, 2000; *Holenstein, A. Bauern zwischen Bauernkrieg und Dreißigjährigem Krieg*. München, 1996; *Robisheaux, Th. Rural Society and the Search for Order in Early Modern Germany*. Cambridge, 1989. К некоторым примерам из истории Тридцатилетней войны ср.: *Berg, Th. Military Occupation under the Eyes of the Lord: Studies in Erfurt during the Thirty Years' War*. Göttingen, 2010; *Rathjen, J. Soldaten im Dorf: Ländliche Gesellschaft und Kriege in den Herzogtümern Schleswig und Holstein, 1625–1720; eine Fallstudie anhand der Ämter Reinbek und Trittau*. Kiel, 2004; *Schlögl, R. Bauern, Krieg und Staat: Oberbayerische Bauernwirtschaft und frühmoderner Staat im 17. Jahrhundert*. Göttingen, 1988; *Theibault, J. C. German Villages in Crisis: Rural Life in Hesse-Kassel and the Thirty Years' War, 1580–1720*. Atlantic Highlands, NJ, 1995.

⁹ Изложение основано на неопубликованной диссертационной работе: *Rusakovskiy, O. Ländliche Gesellschaft zwischen Krise und Anpassung. Die alt-*

Битигхайм (сегодня коммуна Битигхайм-Биссинген, образованная за счет административного слияния города с соседним поселением Биссинген в 1975 г.), расположенный в долине реки Неккар в 20 километрах к северу от Штутгарта, был одним из многих вюртембергских поселений, которые, несмотря на городской облик и соответствующий административный статус, в экономическом отношении принадлежали, скорее, к сельскому, чем к городскому миру. Большая часть его жителей была занята хлебопашеством и виноградарством; немногочисленные городские ремесленники удовлетворяли, по преимуществу, потребности своих соседей, а значение местных рынков и ярмарок не выходило за пределы ближайшей сельской округи. Население Битигхайма на протяжении первой трети XVII в. составляло около 3200 человек, порядка 600 из которых имели статус бюргеров — полноправных горожан, владевших собственными домохозяйствами.

Главной особенностью социально-политической структуры Вюртемберга¹⁰, оказавшей непосредственное влияние на властные отношения в отдельных городских общинах и на представления горожан о самих себе и своей истории, было почти полное отсутствие в герцогстве дворянства, поскольку все местные рыцарские роды получили независимость от герцога и статус имперских ленников еще в 1519 г. Роль социальной элиты в этих условиях перешла к зажиточным городским и крестьянским семьям, которые сосредоточили в своих руках значительную часть сельскохозяйственных угодий и финансовый капитал¹¹. Эта замкнутая

württembergischen Ämter Besigheim und Bietigheim im Dreißigjährigen Krieg. Universität Tübingen, 2014. Некоторые общие сведения о Битигхайме первой половины XVII в. приведены в: *Русаковский, О. В.* Круг чтения вюртембергского бюргерства первой половины XVII в. по имущественным описям, В кн.: *Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего нового времени. Сборник трудов в честь Всеволода Матвеевича Володарского.* М. /СПб., 2016. С. 369–381.

¹⁰ К общей характеристике политико-административного устройства Вюртемберга в Раннее Новое время см. *Mertens, D.* Württemberg, in: *Handbuch der baden-württembergischen Geschichte* / Hrsg. von M. Schaab, H. Schwarzmaier, Stuttgart, 1995. Bd 2. Die Territorien im Alten Reich. S. 1–163; *Vann, J. R.* The Making of a State: Württemberg, 1593–1793. Ithaca, NY, 1984.

¹¹ См. *Haug-Moritz, G.* Die württembergische Ehrbarkeit: Annäherungen an eine bürgerliche Machtelite der Frühen Neuzeit. Ostfildern, 2009; *Marcus, K. H.* The Politics

группа «благородных» семей (т. н. *Ehrbarkeit*) представляла местные общины в вюртембергском ландтаге, составляла большинство в городских органах самоуправления — суде и совете и избирала городских бургомистров и их помощников.

Каждый из вюртембергских городов с близлежащими деревнями образовывали уезд (*Amt*) — административно-территориальную и фискальную единицу. Деревни при этом обладали собственными органами самоуправления, аналогичными городским, а их жители пользовались в своих поселениях бюргерскими правами, но не могли принимать участия во внутренних делах городов. Власть герцога в уезде представляли фогты — чиновники, назначаемые из Штутгарта. Они, однако, исполняли в основном надзорные функции и редко вмешивались в работу городских властей. Помимо этого, после перехода Вюртемберга в евангелическую веру в 1534 г. герцогской администрации принадлежало решающее слово в назначении местных священнослужителей и контроле над ними. Евангелическая церковь ведала городскими школами, в которых дети всех полноправных горожан обучались чтению и письму, что обеспечивало довольно высокий для Раннего Нового времени процент грамотных среди вюртембергского населения.

Вюртембергу, крупнейшему протестантскому княжеству южной Германии, долгое время удавалось оставаться в стороне от начавшегося в 1618 г. военно-политического противостояния¹². Вступление в силу Реституционного эдикта 1629 г. привело, однако, к потере до одной трети вюртембергской территории, возвращенной католическим монастырям, и побудило правительство герцога Эберхарда III вступить в 1633 г. в союз со Швецией и рядом протестантских

of Power: Elites of an Early Modern State in Germany. Mainz, 2000.

¹² К политической и военной истории Вюртемберга в годы Тридцатилетней войны см.: Verwüstet und entvölkert — der Dreißigjährige Krieg in Württemberg: Katalog zur Ausstellung des Hauptstaatsarchivs Stuttgart / Hrsg. von A. Ernst. Stuttgart, 1998; Gotthard, A. Konfession und Staatsräson: Die Außenpolitik Württembergs unter Herzog Johann Friedrich (1608–1628). Stuttgart, 1992; Zizelmann, S. Um Land und Konfession: Die Außen- und Reichspolitik Württembergs (1628–1638). Frankfurt am Main, 2002; Neuburger, A. Konfessionskonflikt und Kriegsbeendigung im Schwäbischen Reichskreis: Württemberg und die katholischen Reichsstände im Südwesten vom Prager Frieden bis zum Westfälischen Frieden (1635–1651). Tübingen, 2011.

территорий юго-запада Империи, фактически объявив войну императору Фердинанду II и поддерживавшим его католическим князьям. В первом же крупном сражении этой войны, произошедшем 27 августа / 6 сентября 1634 г.¹³ в окрестностях города Нердлинген, протестантские войска были наголову разбиты. Две недели спустя, Вюртемберг был полностью, за исключением нескольких труднодоступных крепостей, оккупирован императорскими и баварскими войсками. Герцог Эберхард со своим двором бежал в Страсбург¹⁴, а в Штутгарте была учреждена временная императорская администрация.

Битигхайм в полной мере испытал на себе ужасы войны. 12 сентября 1634 г. город был занят и разграблен императорскими войсками; несколько десятков его жителей были убиты. В дальнейшем вспышки насилия подобного масштаба не повторялись, но императорские и баварские части стояли в городе на зимних квартирах каждый год вплоть до конца войны, обременяя жителей денежными контрибуциями, натуральными поборами и повинностями. В 1635 г. на горожан, ослабленных нехваткой продовольствия, обрушилась эпидемия дизентерии, которая за несколько месяцев унесла более трети жителей Битигхайма, а в 1636/37 гг. еще несколько сотен человек стали жертвами новой волны голода. К 1638 г. население Битигхайма сократилось до примерно 800 человек.

Возвращение Эберхарда III из Страсбурга и заключение им мира с императором в ноябре 1638 г. принесли некоторое облегчение для вюртембергских городов, поскольку герцогство по-прежнему было оккупировано католическими войсками. Тем не менее, временное прекращение военных действий на территории Вюртемберга способствовало в конце 1630-х – первой половине

¹³ Здесь и далее даты крупных исторических событий в Священной Римской империи Германской нации даны одновременно по григорианскому и юлианскому календарю; даты, значимые для локальной истории Битигхайма, приводятся только по принятому в Вюртемберге XVII в. юлианскому календарю.

¹⁴ О пребывании Эберхарда III в Страсбурге см.: *Прокопьев, А. Ю.* Поражение, бегство и реванш: Эбергард III Вюртембергский в Тридцатилетней войне, В кн.: *Universitas historiae. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова* / Под ред. А. О. Чубарьян. М., 2016. С. 409–419.

1640-х гг. началу демографического роста, возобновлению запашки заброшенных земель и оживлению социальной и политической жизни. Парадоксальным образом, вюртембергские городские общины в известном смысле выиграли от войны, которая резко ослабила централизаторские тенденции во внутренней политике герцогов и сделала невозможным принятие ими сколь-нибудь серьезных внутривнутриполитических решений без достижения компромисса с местными элитами. Эта положительная динамика сохранялась до конца войны, несмотря на то что герцогство с 1645 г. подвергалось нашествиям французов, которые пытались вытеснить императорские и баварские войска из юго-западной Германии. Конец этим усилиям положило заключение мира в Мюнстере и Оснабрюке в 1648 г., однако императорские, баварские и французские отряды стояли на среднем Неккаре вплоть до окончательного роспуска всех наемных армий в Империи в 1650 г.

* * *

Битигхайм, на первый взгляд ничем не примечательный городок, схожий по своему социально-экономическому облику и непростой судьбе с десятками других поселений южной Германии XVII в., привлекает историка обилием превосходно сохранившихся и весьма разнообразных источников, большая часть которых обязана своим возникновением деятельности органов городского самоуправления и, в той или иной степени, несет на себе печать специфических представлений городской общины о самой себе. Помимо объемной переписки местных магистратов и фогтов с герцогским правительством в Штутгарте до нас дошли (с небольшими лакунами) протоколы заседаний городского суда Битигхайма за 1635–1650 гг., часть городской финансовой документации и более 50 подробных описей имущества отдельных домохозяйств. Наконец, стараниями городских историков-краеведов были опубликованы две битигхаймские хроники, описывающие события 1620–1640-х гг. и позволяющие реконструировать некоторые черты самосознания вюртембергского бюргерства первой половины XVII в.¹⁵

¹⁵ К общей характеристике городской хронистики Битигхайма см.: Protokolle

Первая из этих хроник представляет собой последовательность довольно лаконичных, обычно погодных записей, сделанных на полях и пустых листах городского земельного кадастра конца XVI – первой половины XVII вв. Наиболее информативны пометы, принадлежащие перу Конрада Роттенбургера, который ведал кадастром с 1616 г. до своей смерти в 1633 гг.¹⁶ По широте интересов и кругозору Роттенбургер, художник и гравер, издавший в 1630 г. краткое изложение Священной истории, иллюстрированное собственными гравюрами¹⁷, существенно превосходил своих предшественников и преемников по должности. К обычным для такого рода текстов наблюдениям о и сообщениям о важнейших событиях в городе и округе он неоднократно добавлял известия о политических и военных событиях в Империи и уделял значительное внимание различным чудесным событиям, в особенности, небесным знамениям. К сожалению, заметки, сделанные в земельном кадастре после смерти Роттенбургера значительно теряют в информативности и круге затронутых проблем.

События с 1634 по 1657 гг. охватывает т. н. «Хроника городского писаря», по сути, официальная городская хроника Битигхайма за указанный период¹⁸. Свое название она получила, поскольку ее составление было поручено писарям городского суда, ответственным за ведение коммунальной документации, от протоколов суда до описей частного имущества. Писари, как правило, не принадлежали к городской верхушке по своему происхождению и социальному положению, но, вероятнее всего, выражали ее мнение в созданных ими текстах. Составление хроники

einer Katastrophe: Zwei Bietigheimer Chroniken aus dem Dreißigjährigen Krieg / Hrsg. von G. Bentele. Bietigheim-Bissingen, 1998. S. 168–169. Ср. также наблюдения, сделанные на материале немецкого городского историописания Раннего Нового времени в: *Städtische Geschichtsschreibung im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit* / Hrsg. von P. Johannek. Köln/Weimar/Wien, 2000; *Rau, S. Geschichte und Konfession: Städtische Geschichtsschreibung und Erinnerungskultur im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung in Bremen, Breslau, Hamburg und Köln*. Hamburg, 2002.

¹⁶ Издана в *Protokolle*. S. 176–190. Далее — *Feldmesserchronik*.

¹⁷ *Rottenburger, C. Biblische Summarien, 1630*. Nachdruck der Erstausgabe. Bietigheim-Bissingen, 2011.

¹⁸ Издана в *Protokolle*. S. 191–253. Далее — *Stadtschreiberchronik*.

было начато в 1645 г. Кристофом Ратом, который ретроспективно описал события предшествующих 11 лет и продолжено Иоганном Каспаром Зиглином, его преемником в должности с 1649 г. Как показывает сопоставление цифровых данных, обильно приводимых хронистами, с актовым материалом, городская хроника Битигхайма вполне заслуживает доверия, когда речь идет о фактической стороне дела. Несомненна, однако, ее тенденциозность в том, что касается описания политической ситуации в городе и, в особенности, конфликтов внутри городской элиты и ее отношений с герцогской администрацией.

Для авторов обеих битигхаймских хроник события, не затрагивавшие напрямую их родной город, редко представлялись значимыми. Даже герцогство Вюртемберг, лояльными подданными которого они являлись, не было столь значимой общностью для их самоидентификации. Местные источники не знают термина «отечество» (*Vaterland*), хотя в некоторых других немецких землях оно в первой половине XVII в. уже было в ходу и играло некоторую роль для описания локальной идентичности¹⁹. Битигхаймский трактирщик и бывший солдат Каспар Имлин, обвиненный в убийстве и ограблении неподалеку от города в январе 1632 г. францисканского монаха Адольфа Ардольфи, заявил в свое оправдание, что он служил «всему городу (*gemeiner Stadt*) и бюргерству, днем и ночью, с жестокой опасностью для жизни»²⁰. Примечательно, что юристы Тюбингенского университета, оправдавшие Имлина по этому обвинению, назвали совершенное им убийство необходимой мерой защиты Вюртемберга от монашеских происков – линия защиты, которой сам он, по всей видимости, никогда не собирался придерживаться²¹.

¹⁹ См., например, *Friedeburg, R. von. The Making of Patriots: Love of Fatherland and Negotiating Monarchy in Seventeenth-Century Germany*, in: *Journal of Modern History*. 2005. Vol. 77. P. 881–916.

²⁰ Caspar Imlin an Herzog Eberhard III, 10.02.1634. (Hauptstaatsarchiv Stuttgart. A 209. Bü 374. Nr. 45). Об убийстве Ардольфи и последующем расследовании см. *Rusakovskiy, O. Raubmord oder Glaubensstat? Die Ermordung eines Franziskaners in Württemberg 1632*, in: *Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte*. 2014. Bd 73. S. 201–214.

²¹ Urteil der Tübinger Juristenfakultät, 2.04.1634 (Hauptstaatsarchiv Stuttgart. A 209. Bü 374. Nr. 53).

Подобная концентрация внимания битигхаймских хронистов на собственном городе не означала, разумеется, что события в «большом мире» оставались им неизвестны. Составители городской хроники регулярно демонстрировали осведомленность о частных происшествиях, происходивших за границами герцогства, если они представляли интерес с точки зрения городской общины. Так, под 1639 г. в хронике был помещен подробный отчет о смерти в Пфальце баварского офицера, некоторое время проведенного в Битигхайме на постое²². Тот факт, что понятия, обозначавшие большие общности, такие как «Германия» (*Deutschland*) или «христианство» (*Christenheit*) не встречаются в хрониках, не значит, конечно, что они были не знакомы их создателям. Ганс Кайль, крестьянин, визионер и самозванный проповедник из вюртембергской деревушки Герлинген, использовал оба этих слова, хотя, несомненно, был много менее образован, чем битигхаймские писары и члены городского совета и суда²³.

* * *

Уже в пространном заголовке к городской хронике Битигхайма был четко указан временной пункт, от которого она предлагала отсчитывать историю войны, а по сути, современную историю города. Этот заголовок гласил: «Описание, что достопамятного случилось в этом городке (*Städtlen*) Битигхайме после прошедшей Нердлингенской битвы»²⁴. Все, что случилось до битвы при Нердлингене и последовавшей за ней оккупации Вюртемберга не представляло для составителей хроники существенного интереса. Ничто не указывает на то, что они были знакомы с трудами своих предшественников – городской хроникой XVI столетия, составленной Себастьяном Хорнмольдом²⁵, или с заметками Конрада Роттенбургера. Конфессиональные и политические споры, уходившие корнями в предшествующее столетие и ставшие причиной войны, несколько не занимали битигхаймских писарей. Ни разу не обратились они

²² Stadtschreiberchronik. S. 202.

²³ См. *Sabean, D. W.* Das zweischneidige Schwert: Herrschaft und Widerspruch im Württemberg der Frühen Neuzeit. Berlin, 1986. S. 78.

²⁴ Stadtschreiberchronik. S. 191.

²⁵ См. *Protokolle*. S. 168.

к оккупации Вюртемберга императорскими войсками после Шмалькальденской войны 1546–1547 гг., хотя параллели между событиями середины XVI в. и событиями 1630-х гг. кажутся сегодня весьма напрашивающимися.

Несомненно, битигхаймские хронисты были хорошо информированы о развитии событий на территории Империи начиная с 1618 г. Обращаясь к недавнему прошлому, составители городской хроники отмечали появление кометы в 1618 г., а также то, «что явилось в Пфальце²⁶, Магдебурге²⁷, и в иных свидетельствах гнева [Господня]»²⁸. Конрад Роттенбургер писал в 1626 г. о «восьмом годе войны»²⁹, хотя Вюртемберг и тем более городская округа Битигхайма к тому моменту еще не были затронуты ее последствиями. Тем не менее, именно сентябрь 1634 г. стал в сознании жителей Битигхайма истинной датой начала войны. Протоколы городского суда и описи имущества изобилуют упоминаниями о долгах и покупках, сделанных перед или после «горестного военного вторжения». В приговоре по делу Барбары Бюрклерин, которая в 1648 г. задушила своего незаконнорожденного младенца в соседнем городе Безигхайм, герцогские чиновники сочли нужным особо подчеркнуть, что она «подобно юному невинному цветку, десяти лет от роду, была похищена солдатами точно после Нердлингенской битвы»³⁰. Частная трагедия Бюрклерин очевидным для ее судей образом перекликалась с судьбой всего Вюртемберга, его городов и деревень.

Если дата начала войны, во всяком случае, в рамках локального исторического нарратива не вызывала споров, то вопрос о том, когда она закончилась, представлялся в Битигхайме, как и во многих других немецких городах³¹, намного менее однозначным.

²⁶ Имеется в виду оккупация курфюршества Пфальц католическими войсками в 1622 г.

²⁷ Имеется в виду взятие и разграбление Магдебурга католическими войсками в 1631 г.

²⁸ Stadtschreiberchronik. S. 191.

²⁹ Feldmesserchronik. S. 186.

³⁰ Herzogliche Resolution, Juni 1648. (Hauptstaatsarchiv Stuttgart. A 209. Bü 317. Nr. 11).

³¹ См. Kroener, B. R. Der Zweiunddreißigjährige Krieg — Kriegsende 1650, oder: Wie lange dauerte der Dreißigjährige Krieg?, in: *Wie Kriege enden: Wege zum Frieden von der*

Городская хроника называет в качестве даты «долгожданного мира в Мюнстере и Оснабрюке» 17 / 27 июля 1648 г.³². Это кажется по меньшей мере странным, ведь в этот день в Оснабрюке не было подписано сколько-нибудь значимых соглашений, а переговоры в Мюнстере уже завершились. Еще более удивляет молчание хронистов о дальнейшем развитии и завершении мирных переговоров в октябре 1648 г., хотя герцогское правительство отметило его указом о всеобщем дне покаяния и молитвы для своих подданных, пришедшемся на 2 ноября 1648 г.³³

Предписанные сверху торжества, не стали важным событием для жителей Битигхайма и не оставили заметного следа в местной культурной памяти, как это произошло в некоторых других городах южной Германии³⁴. Городская хроника упоминает о дне покаяния и молитвы 2 ноября 1648 г. весьма сухо³⁵. Содержание мирных договоров и политико-конфессиональные последствия войны для Вюртемберга и Империи не нашли отражения в локальных источниках и, по всей видимости, мало заботили жителей Битигхайма. Конец войны воспринимался как избавление от многочисленных бедствий и опасностей, но риторика триумфа евангелической веры и успеха герцогства Вюртемберг — скорее желаемого, чем реального — активно использовавшаяся в текстах проповедей и покаянных

Antike bis zur Gegenwart / Hrsg. von B. Wegner. Paderborn/München/Wien/Zürich, 2002. S. 67–93; *Repgen, K.* Seit wann gibt es den Begriff «Dreißigjähriger Krieg»? in: *Weltpolitik, Europagedanke, Regionalismus* / Hrsg. von H. Dollinger. Münster, 1982. S. 59–70; *Mortimer, G.* Did Contemporaries Recognize a Thirty Years' War?, in: *The English Historical Review*. 2001. Vol. 116. P. 124–36.

³² Stadtschreiberchronik. S. 226.

³³ *Neuburger, A.* Konfessionskonflikt. S. 553–554; *Kohlmann, C.* «Von unseren Widersachern den Baptisten vil erlitten und ussgestanden»: Kriegs- und Krisenerfahrungen von lutherischen Pfarrern und Gläubigen im Amt Hornberg des Herzogtums Württemberg während des Dreißigjährigen Krieges und nach dem Westfälischen Frieden, in: *Das Strafgericht Gottes*. S. 188–190.

³⁴ К «праздникам мира» 1648–1650 гг. и их юбилеям в последующие десятилетия см.: *Gantet, C.* Peace Festivals and the Culture of Memory in Early Modern South German Cities, in: *Festive Culture in Germany and Europe from the Sixteenth to the Twentieth Century* / Hrsg. von C. Friedrich. London, 2000. P. 57–71. Ср. также: *Kleinehagebrock, F.* Die Grafschaft Hohenlohe. S. 296–303; *Schröder, D.* Friedensfeste in Hamburg, 1629–1650, in: *Der Krieg vor den Toren*. S. 335–346.

³⁵ Stadtschreiberchronik. S. 226.

молив, подготовленных в Штутгарте³⁶, вероятно, осталась невос-
требованной на местном уровне. Для Битигхайма, в округе кото-
рого не было владений бывших монастырей, реституция которых
могла бы ударить по местным элитам, успехи вюртембергских
властей в борьбе против такой реституции не представляли суще-
ственного интереса.

Заключение договоров в Вестфалии явилось лишь частичным
облегчением для населения юго-запада Германии. Хотя военные
действия и прекратились, императорские, баварские, а в некото-
рых местностях и шведские войска оставались на своих кварта-
рах и продолжали обременять местных жителей узаконенными
контрибуциями и произвольными поборами. На роль окончания
войны с большим основанием претендовало завершение перегово-
ров на т. н. «исполнительном совещании» в Нюрнберге и роспуск
наемных армий на территории Империи летом 1650 г. 1 ноября
того же года на стене битигхаймской ратуши была торжественно
открыта т. н. «доска мира» (*Friedenstafel*), выполненная «по едино-
душному решению господина фогта, бургомистра, суда и совета
в воспоминание об этом благородном, столь горячо желанном
имперском мире живописцем из Штутгарта Гансом Георгом
Люстенном... на ней нарисованы и подписаны, во-первых, Справед-
ливость, а затем имена и гербы всех начальных лиц, которые жили
во время этого мира»³⁷. Сама памятная доска не дошла до нашего
времени, но ее пространный текст полностью сохранился в составе
битигхаймской хроники и заслуживает пристального внимания³⁸.

Так, на «доске мира» указывалось, что Бог «после шестнад-
цати лет продолжавшейся разорительной войны услышал вздохи
и жалобы многих тысяч страждущих и до крайности стесненных
христиан и весьма обрадовал и благословил достохвальное герцогство
Вюртемберг долгожданым, благородным и окончательным миром
16 июня этого [1650] года»³⁹. В качестве конца войны битигхаймские
власти рассматривали, таким образом, оформление договоренности

³⁶ Ср.: *Neuburger, A.* Konfessionskonflikt. S. 553–554; *Kohlmann, C.* Kriegs- und Krisenerfahrungen. S. 189.

³⁷ *Stadtschreiberchronik.* S. 231.

³⁸ *Stadtschreiberchronik.* S. 231–232.

³⁹ *Stadtschreiberchronik.* S. 232.

между императорскими и шведскими посланниками в Нюрнберге 16 / 26 июля 1650 г.⁴⁰, хотя переговоры императора с французами, а с ними в само Исполнительное собрание подошли к концу лишь неделю спустя⁴¹. Последним же событием, напрямую связанным с войной, в Битигхайме стал проход через город французского гарнизона Хайльбронна 26 июня 1650 г.⁴²

* * *

Согласно первому предложению городской хроники, вплоть до нападения императорских и баварских войск в 1634 г. «город Битигхайм, так же, как и вся земля Вюртемберг, цвел пышнее, чем когда-либо ранее»⁴³. Это утверждение не соответствовало действительности: с конца XVI в. по преимуществу аграрная экономика немецкого юго-запада находилась в состоянии длительной стагнации, а избыток населения в условиях ухудшавшихся климатических условий грозил обнищанием мелких собственников и регулярными продовольственными кризисами⁴⁴. В 1607 и 1627 гг. Вюртемберг пережил две локальные вспышки чумы, а военнополитические события в Империи и в особенности вступление в силу Реституционного эдикта 1629 г. поставили местную элиту в весьма уязвимое положение. Для Кристофа Рата, оценивавшего события из перспективы 1645 г. эти обстоятельства, однако, уже не играли роли. Действительные причины постигшей Битигхайм и окрестности катастрофы он видел в том, что «при этом изобилии укрепились и весьма распространились все грехи, блуд, высокомерие, разврат, роскошь и довольство среди благородных, и никто не хотел принимать наказание от слуг Господних»⁴⁵.

⁴⁰ См.: *Oschmann, A.* Der Nürnberger Exekutionstag, 1649–1650: Das Ende des Dreißigjährigen Krieges in Deutschland. Münster, 1991; *Neuburger, A.* Konfessionskonflikt. S. 503.

⁴¹ *Oschmann, A.* Der Nürnberger Exekutionstag, S. 411–417; *Neuburger, A.* Konfessionskonflikt. S. 509–510.

⁴² Stadtschreiberchronik. S. 234.

⁴³ Stadtschreiberchronik. S. 191.

⁴⁴ См. *Hippel, W. von.* Bevölkerung und Wirtschaft im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges. Das Beispiel Württemberg, in: *Zeitschrift für historische Forschung.* 1978. Bd 5. S. 413–448.

⁴⁵ Stadtschreiberchronik. S. 191.

Битигхаймский хронист, разумеется, не был одинок в своем представлении о войне и сопровождающих ее болезнях и голоде как о Божественном наказании за человеческие грехи⁴⁶. Герцог Эберхард III требовал от своих подданных «готовности к истинному покаянию и исправлению греховной жизни»⁴⁷. На другом конце социальной лестнице уже упоминавшийся «пророк из Герлингена» Ганс Кайль видел истинные причины войны в том, что его современники погрязли в богохульствах, прелюбодеянии, высокомерии, небрежении к церкви, пьянстве, роскоши и прочих грехах⁴⁸. Подобные списки пороков основывались, в конечном счете, на библейских примерах, прежде всего, на перечислении «неправедных», не наследующих Царства Божия, в первом послании апостола Павла к Коринфянам⁴⁹.

Важнейшим с политической и социальной точки зрения был вопрос о том, кто именно в наибольшей степени ответственен за постигшую все население герцогства Божью кару. С точки зрения Эберхарда III все его подданные равным образом навлекли на себя гнев Господень, однако целый ряд герцогских эдиктов 1640-х гг. был направлен против тех, кто стоял на обочине социальной жизни или лишился привычной поддержки общины: бродяг, работников по найму, матерей, родивших вне брака, и т. д. Ганс Кайль полагал, что грехи стали «столь обыденны среди всех людей, у господ, у слуг, у мужчин и у женщин», но в особенности бичевал погрязших в роскоши придворных и чиновников, хотя и не осмеливался прямо порицать самого Эберхарда III⁵⁰. Инвективы

⁴⁶ См.: *Schindling, A.* Das Strafgericht Gottes: Kriegserfahrungen und Religion im Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges. Erfahrungsgeschichte und Konfessionalisierung, in: *Das Strafgericht Gottes*. S. 11–51; *Kleinehagenbrock, F.* Die Grafschaft Hohenlohe. S. 274–275; на примере Вюртембера: *Kohlmann, C.* Kriegs- und Krisenerfahrungen. S. 186–187; *Neuburger, A.* Konfessionskonflikt. S. 553.

⁴⁷ General-Reskript, die Bestrafung der Gottes-Lästerung und der Fleisches-Verbrechen betreffend, 29.07.1642, in: *Vollständige, historisch und kritisch bearbeitete Sammlung der württembergischen Gesetze* / Hrsg. von A. L. Reyscher. Stuttgart/Tübingen, 1828–1847. Bd 5. S. 421.

⁴⁸ *Sabean, D. W.* Das zweischneidige Schwert. S. 82.

⁴⁹ 1 Кор. 6: 9–10.

⁵⁰ *Sabean, D. W.* Das zweischneidige Schwert. S. 79.

городской хроники Битигхайма были направлены против всех членов общины, но в первую очередь против «благородных» (*die Vornehmsten*), т. е. против той части землевладельческой элиты, которой принадлежала реальная власть в городе по состоянию на 1634 г. Именно их поведение привело всю общину к возмездию, равно справедливому для всех: «Мера грехов наполнилась⁵¹. Из-за этого справедливый Бог прогневался на нас и сам попустил наши несчастья, начавшиеся 27 августа 1634 г. по старому календарю у города Нердлинген»⁵².

Кристоф Рат, написавший эти строки в 1645 г., имел некоторые основания для столь жесткой критики тех, кто управлял Битигхаймом за 11 лет до того. За несколько дней до прихода в долину Неккара императорских и баварских войск в сентябре 1634 г., «здешние начальствующие люди спаслись с женами и детьми, также и с драгоценностями (*Kleinodien*) и с лучшими вещами в крепости Асперг⁵³, оставив бюргерство без помощи и совета, и никто не желал принять покинутый город»⁵⁴. Это горькое обвинение, по всей видимости, соответствовало действительности: Битигхайм, как весь Вюртемберг, фактически остался без каких-либо властных структур, если не считать временной администрации, учрежденной императором в Штутгарте, и офицеров, осуществлявших надзор за расквартированием войск на местах. В начале 1635 г. беженцы, спасшиеся на Асперге, как констатировал с почти очевидным злорадством хронист, «перемерли в крепости из-за великого голода и скудости, беспомощны со всем своим изобильным имуществом»⁵⁵. Новый же состав органов коммунального самоуправления, если можно судить по отрывочным данным хроник и судебных протоколов, образован частью из младших отпрысков влиятельных прежде семей, частью же — из небогатых бюргеров, которым смерть большей части прежней элиты открыла прежде закрытые пути к управлению городом.

⁵¹ Цитата из 1 Фес. 2: 16.

⁵² Stadtschreiberchronik. S. 191.

⁵³ Крепость Асперг, расположенная в нескольких километрах к югу от Битигхайма, была среди четырех вюртембергских крепостей, оставшихся под контролем протестантских войск после сентября 1634 г. Императорская армия сумела добиться ее капитуляции лишь летом 1635 г.

⁵⁴ Stadtschreiberchronik. S. 192.

⁵⁵ Stadtschreiberchronik. S. 195.

Описав грехи жителей Битигхайма и последовавшие за ними Божьи кары, составитель хроники обратился к истории преодоления кризиса и возрождения общины, сформировавшей тот морально-этический и политический порядок, в рамках которого действовал и он сам. Рассказ о большом голоде 1637 г. он завершает так: «Тут думали мы по слову Иезекииля в главе 37: Иссохли кости наши, и погибла надежда наша, и покончено с нами»⁵⁶. Несмотря на кажущийся пессимизм, эта библейская цитата – единственная в хронике, для которой прямо указано ее происхождение – была, вероятно, призвана служить скрытым указанием на скорые перемены к лучшему. Можно предполагать, что составитель хроники имел в виду видение Иезекииля в целом, содержащее не только описание поля мертвых, в которое обратиться народ Израилев, но и пророчество о грядущем возрождении сынов Израилевых, которых Господь выведет из гробов⁵⁷. В протестантской апокалиптике этот пассаж, благодаря краткой отсылке к нему евангелии от Иоанна⁵⁸, приобрел популярность как обещание вечной жизни⁵⁹, но битигхаймский хронист, вероятнее всего, придавал большее значение метафоре обновления общины здесь и сейчас.

В силу ряда причин это возрождение, по всей вероятности, мыслилось скорее в политических и моральных, а не узко конфессиональных терминах, а риторика защиты истинной веры не была востребована на местном уровне. Авторитет священников в небольших вюртембергских городах и деревнях был невысок. В большинстве своем они происходили из семей потомственного духовенства и воспринимались городскими элитами как чужаки, не имевшие, за редкими исключениями, реального влияния

⁵⁶ Stadtschreiberchronik. S. 199. Цитируется Иез. 37: 11.

⁵⁷ Иез. 37: 1–14. К значению книг ветхозаветных пророков для восприятия событий Тридцатилетней войны в протестантских регионах Германии см.: *Theibault J. C. Jeremiah in the Village: Prophecy, Preaching, Pamphlets and Penance in the Thirty Years' War*, in: *Central European History*. 1994. Vol. 27. P. 441–460; *Kohlmann, C. Kriegs- und Krisenerfahrungen*. S. 196.

⁵⁸ Иоанн 5: 21: Ибо, как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет.

⁵⁹ См.: *Barnes, R. B. Prophecy and Gnosis: Apocalypticism in the Wake of the Lutheran Reformation*. Stanford; California, 1988. P. 85, 118.

на настроения своих прихожан⁶⁰. Поскольку округа Битигхайма, как уже упоминалось, не была затронута претензиями католиков на возвращение церковного имущества, евангелическая церковь в городе, хотя и столкнулась с разрушением зданий и нехваткой служителей, могла чувствовать себя в относительной безопасности. Лишь единожды городская хроника позволила себе прямой и связанный непосредственно с местными событиями выпад против религиозной политики католиков, сообщив, что в 1634 г. «папистский полковой капеллан крестил схваченного еврея и нарек его Франциском»⁶¹.

Наступление мира воспринималось не только как милость Божья, но и, прежде всего, как восстановление существовавшего до войны социального и нравственного порядка – представление, многократно воспроизводившееся в немецкой публицистике и применительно к иным, более крупным общностям. Надежда на то, что этот порядок угоден Господу, выражена и в завершающих словах битигхаймской «доски мира»: «Господь мира и Отец нашего Господа Иисуса Христа да дарует нам милость, чтобы этот мир длился нерушимо до конца света, чтобы чистое, единственно благодатное Слово Божие процветало, право и справедливость сохранялись и всегда распространялись. Аминь»⁶². Упоминание конца времен, видимо, играло здесь подчиненную роль, поскольку апокалиптические ожидания не имели в рамках насаждавшейся в Вюртемберге официальной религиозности того веса, который они приобрели во многих других немецких землях⁶³. Надежда на то, что сложившееся в городской общине в ходе войны положение дело

⁶⁰ См.: *Wahl, J.* Lebensplanung und Alltagserfahrung: württembergische Pfarrfamilien im 17. Jahrhundert. Mainz, 2000; *Tolley, B.* Pastors and Parishioners in Württemberg during the Late Reformation, 1581–1621. Stanford/California, 1995; *Fritz, F.* Die württembergischen Pfarrer im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges, in: *Blätter für württembergische Kirchengeschichte*. 1926. Bd 30. S. 42–87, 179–197; Bd 31. 1927. S. 78–101, 167–192; Bd 32. 1928. S. 289–311; Bd 33. 1929. S. 41–132, 191–296; Bd 34. 1930. S. 121–139, 153–211.

⁶¹ Stadtschreiberchronik. S. 195. С большей части вюртембергской территории евреи были изгнаны еще в конце XV в.

⁶² Stadtschreiberchronik. S. 232.

⁶³ См.: *Schäfer, G.* Kleine Württembergische Kirchengeschichte. Stuttgart, 1964. S. 54–55.

не только справедливо, но и благословенно свыше, было закреплено перечислением на доске всех городских магистратов — 24 выборных членов суда и совета — находившихся в должности на момент ее изготовления.

* * *

Подведем некоторые итоги. Битигхаймские источники, в особенности т. н. «хроника городского писаря», предлагали своим читателям взгляд на катастрофу Тридцатилетней войны, определявшийся потребностями, бедами и надеждами городской общины и, прежде всего, ее верхушки, ответственной как за принятие политических решений на низовом уровне, так и за конструирование исторических нарративов. Взгляд на иные сообщества — Империю, Германию, христианский мир в целом — в этих нарративах сознательно редуцировался до пределов, в которых их судьба непосредственно пересекалась с судьбой местного бюргерства. Некоторое исключение здесь делалось для герцогства Вюртемберг, хотя локальная идентичность была для жителей Битигхайма или, во всяком случае, для членов городских органов самоуправления, безусловно более значимой, нежели ощущение себя подданными Эберхарда III или соотечественниками своих соседей из других городов и деревень. Подобное ограничение, с одной стороны, было совершенно естественным, с другой, не являлось следствием узости кругозора битигхаймских хронистов, которые, как правило, были хорошо осведомлены о военно-политическом положении далеко за стенами их родного города. Конфессиональные мотивации играли весьма скромную роль в поведении и восприятии действительности местными элитами, что можно объяснить специфической ситуацией в долине среднего Неккара, не испытавшей опасностей принудительной реституции церковных земель.

Картина истории, предложенная в городской хронике Битигхайма, определялась, прежде всего, представлением о принципиальной неизменности социального устройства, которое соответствует установленному Богом порядку и может быть поколеблено лишь из-за человеческих грехов и неизбежно следующего за ними наказания. Эта установка повлекла за собой как идеализацию

довоенного прошлого, так и равнодушие к истории, выходящей за пределы непосредственной памяти старожилов и отсутствие потребности искать примеры для подражания в относительно далеком прошлом. Вторжение неприятельских войск в сентябре 1634 г. стало для переживших его жителей Битигхайма ключевым моментом истории их родного города, а затянувшийся на долгие годы процесс выхода из войны и преодоления хотя бы наиболее очевидных последствий кризиса мыслился как восстановление порядка и возвращение к практикам, уже проверенным коллективным опытом общины и угодным Богу. Этот растянувшийся во времени процесс очищения Господней карой осмыслялся с помощью библейских метафор, но видение будущего носило при этом весьма прагматический характер и было чуждо апокалиптических или хилиастических настроений.

Информация о статье

Русаковский, О. В. «Иссохли кости наши, и погибла надежда наша»: локальное самосознание и образ истории вюртембергского бюргерства эпохи Тридцатилетней войны, В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2019. Вып. 5 (2). С. 82–110.

PhD, научный сотрудник, Национальный Исследовательский Университет Высшая Школа Экономики (Покровский бульвар, д. 11, Москва, Россия, 109028)

ruso0504@gmail.com

УДК 94(430).041

Статья посвящена особенностям восприятия событий Тридцатилетней войны населением и политической элитой небольших городов юго-запада Германии на примере вюртембергского уездного города Битигхайм. На материале битигхаймских хроник и дополнительных актовых источников анализируются представления вюртембергских бюргеров о датах начала и конца войны, социально-политическом и морально-религиозном измерении ее причин и последствий. Вопросы отношения к войне рассматриваются в контексте исторической культуры и представлений о самой себе городской общины и ее членов. Делается вывод о первичном значении локальной городской общины для самоидентификации жителей Битигхайма, их известном равнодушии к большим общностям, таким как Священная Римская Империя или Германия. Отмечается относительно слабое влияние конфессионального фактора на переживание войны в локальной

перспективе. В то же время подчеркивается решающее значение религиозных и связанных с ними морально-этических коннотаций для конструирования представлений вюртембергских горожан и политической элиты герцогства о войне как наказании Божьем за грехи. Анализируется роль Тридцатилетней войны для смены местных элит и отражение этого процесса в городской хронистике. Делается вывод о сохранении прежнего социально-политического и этического порядка как главном предмете устремлений значительной части бюргерства и его верхушки, выразившемся в созданных по ее заказу текстах и специфических практиках мемориализации.

Ключевые слова: Тридцатилетняя война, Германия XVII в., Вюртемберг, городские хроники, историческая культура, лютеранство

Information on the article

*Rusakovskiy, O. V. «Issohli kosti nashi, i pogibla nadezhda nasha»: lokal'noe samosoznanie i obraz istorii vjurtembergского bjurgerstva jepohi Tridcatiletnej vojny [«Our bones have dried up, and our hope has perished»: local self-awareness and the image of the history of the Württemberg burgherism of the Thirty Years War], in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2019. Vol. 5 (2). P. 82–110.*

Oleg Rusakovskiy, PhD, research fellow, National Research University Higher School of Economics (Pokrovskii bul'var 11, Moscow, Russia, 109028)

ruso0504@gmail.com

The article deals with the perception of the Thirty Years war by the population and the political elite of the district town Bietigheim in the duchy of Wurttemberg. Based on the Bietigheim chronicles and supplementary documents, the author analyzes the townsmen's ideas on the beginning and the end of the war, social-political and moral-religious meaning of its causes and consequences. The perception of the war is studied in the context of historical culture of the Wurttemberg urban commune and its ideas about itself. The author suggests that the local community was a key element of the self-identity of Bietigheim's citizens whereas larger political bodies such as the Holy Roman Empire or Germany were less important. Seemingly, the confession had a lesser influence on the war experiences in the local perspective. At the same time, some religious and moral ideas were decisively important to perceive the war as God's punishment for collective and individual sins. The developments during the Thirty Years' war are under analysis in context of the massive elite change and its reflection in the town chronicles. The author comes to conclusion concerning the preservation of the older social-political and ethical patterns as the main goal of the greater part of the citizenship and its elite which was reflected in the local historical narrative and specific patterns of memorialization.

Key words: The Thirty Years' war, 17th-century Germany, Wurttemberg, town chronicles, historical culture, Lutheranism

Список источников и литературы

Barnes, R. B. Prophecy and Gnosis: Apocalypticism in the Wake of the Lutheran Reformation, Stanford; California: Stanford University Press, 1988. 361 p.

Berg, Th. Military Occupation under the Eyes of the Lord: Studies in Erfurt during the Thirty Years' War. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010, 395 p.

Blickle, P. Kommunalismus: Skizzen einer gesellschaftlichen Organisationsform. München: Oldenbourg, 2000. 196 S.

Das Strafgericht Gottes: Kriegserfahrungen und Religion im Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges. Beiträge aus dem Tübinger Sonderforschungsbereich «Kriegserfahrungen, Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit» / Hrsg. von M. Asche, A. Schindling. Münster: Aschendorff, 2001. 465 S.

Der Krieg vor den Toren: Hamburg im Dreißigjährigen Krieg 1618–1648 / Hrsg. von M. Knauer, S. Tode. Hamburg: Verlag des Vereins für hamburgische Geschichte, 2000. 504 S.

Friedeburg, R. von. The Making of Patriots: Love of Fatherland and Negotiating Monarchy in Seventeenth-Century Germany, in: *Journal of Modern History*. 2005. Vol. 77. P. 881–916.

Friedrichs, Chr. R. Urban Society in an Age of War: Nördlingen, 1580–1720. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979. 350 p.

Fritz, F. Die württembergischen Pfarrer im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges, in: *Blätter für württembergische Kirchengeschichte*. Bd 30. 1926. S. 42–87, 179–197; Bd 31. 1927. S. 78–101, 167–192; Bd 32. 1928. S. 289–311; Bd 33. 1929. S. 41–132, 191–296; Bd 34. 1930. S. 121–139, 153–211.

Gantet, C. Peace Festivals and the Culture of Memory in Early Modern South German Cities, in: *Festive Culture in Germany and Europe from the Sixteenth to the Twentieth Century* / Ed. by C. Friedrich. London: Edwin Mellen Press, 2000. P. 57–71.

Gotthard, A. Konfession und Staatsräson: Die Außenpolitik Württembergs unter Herzog Johann Friedrich (1608–1628). Stuttgart: Kohlhammer, 1992. 498 S.

Haug-Moritz, G. Die württembergische Ehrbarkeit: Annäherungen an eine bürgerliche Machtelite der Frühen Neuzeit. Ostfildern: Thorbecke, 2009. 135 S.

Hippel, W. von. Bevölkerung und Wirtschaft im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges. Das Beispiel Württemberg, in: *Zeitschrift für historische Forschung*. Bd 5. 1978. S. 413–448.

Holenstein, A. Bauern zwischen Bauernkrieg und Dreißigjährigem Krieg. München: Oldenbourg, 1996. 159 S.

Kaufmann, Th. Dreißigjähriger Krieg und Westfälischer Friede: Kirchengeschichtliche Studien zur lutherischen Konfessionskultur. Tübingen: Mohr Siebeck, 1998. 196 S.

Kleinehagenbrock, F. Die Grafschaft Hohenlohe im Dreißigjährigen Krieg: Eine erfahrungsgeschichtliche Untersuchung zu Herrschaft und Untertanen. Stuttgart: Kohlhammer, 2003. 339 S.

Kohlmann, C. «Von unsern Widersachern den Baptisten vil erlitten und ussgestanden»: Kriegs- und Krisenerfahrungen von lutherischen Pfarrern und Gläubigen im Amt Hornberg des Herzogtums Württemberg während des Dreißigjährigen Krieges und nach dem Westfälischen Frieden, in: *Das Strafgericht Gottes*. S. 123–211.

Kroener, B. R. Der Zweiunddreißigjährige Krieg–Kriegsende 1650, oder: Wie lange dauerte der Dreißigjährige Krieg?, in: *Wie Kriege enden: Wege zum Frieden von der Antike bis zur Gegenwart* / Hrsg. von B. Wegner. Paderborn/München/Wien/Zürich: Schöningh, 2002. S. 67–93.

Krusenstjern, B. von. Selbstzeugnisse der Zeit des Dreißigjährigen Krieges: Beschreibendes Verzeichnis. Berlin: Akademie Verlag, 1997. 268 S.

Lehmann, H., Trepp, A-Ch. Im Zeichen der Krise: Religiosität im Europa des 17. Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. 645 S.

Marcus, K. H. The Politics of Power: Elites of an Early Modern State in Germany. Mainz: von Zabern, 2000. 288 p.

Mertens, D. Württemberg, in: *Handbuch der baden-württembergischen Geschichte. Bd 2. Die Territorien im Alten Reich* / Hrsg. von M. Schaab, H. Schwarzmaier. Stuttgart: Kohlhammer, 1995. S. 1–163.

Mortimer, G. Did Contemporaries Recognize a Thirty Years' War?, in: *The English Historical Review*. 2001. Vol. 116. P. 124–36.

Neuburger, A. Konfessionskonflikt und Kriegsbeendigung im Schwäbischen Reichskreis: Württemberg und die katholischen Reichsstände im Südwesten vom Prager Frieden bis zum Westfälischen Frieden (1635–1651). Stuttgart: Kohlhammer, 2011. 586 S.

Oschmann, A. Der Nürnberger Exekutionstag, 1649–1650: Das Ende des Dreißigjährigen Krieges in Deutschland. Münster: Aschendorff, 1991. 718 S.

Press, F. Soziale Folgen des Dreißigjährigen Krieges, in: *Ständische Gesellschaft und soziale Mobilität* / Hrsg. von Schulze W. München: Oldenbourg, 1988. S. 239–268.

Protokolle einer Katastrophe: Zwei Bietigheimer Chroniken aus dem Dreißigjährigen Krieg / Hrsg. von G. Bentele. Bietigheim-Bissingen: Archiv der Stadt Bietigheim-Bissingen, 1998. S. 168 – 169.

Rathjen, J. Soldaten im Dorf: Ländliche Gesellschaft und Kriege in den Herzogtümern Schleswig und Holstein, 1625–1720; eine Fallstudie anhand der Ämter Reinbek und Trittau. Kiel: Verlag Ludwig, 2004. 323 S.

Rau, S. Geschichte und Konfession: Städtische Geschichtsschreibung und Erinnerungskultur im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung in Bremen, Breslau, Hamburg und Köln. Hamburg: Dölling und Galitz, 2002. 674 S.

Reppen, K. Seit wann gibt es den Begriff «Dreißigjähriger Krieg»? in: *Weltpolitik, Europagedanke, Regionalismus* / Hrsg. von H. Dollinger. Münster: Aschendorff, 1982. S. 59–70.

Robisheaux, Th. Rural Society and the Search for Order in Early Modern Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 297 p.

Roeck, B. Der Dreißigjährige Krieg und die Menschen im Reich: Überlegungen zu den Formen psychischer Krisenbewältigung in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts, in: *Krieg und Frieden: Militär und Gesellschaft in der Frühen Neuzeit* / Hrsg. von B. Kroener, R. Pröve. Paderborn/ München/Wien/Zürich: Schöningh, 1996. S. 265–280.

Roeck, B. Eine Stadt in Krieg und Frieden: Studien zur Geschichte der Reichsstadt Augsburg zwischen Kalenderstreit und Parität. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. 1127 S.

Rottenburger, C. Biblische Summarien, 1630. Nachdruck der Erstausgabe. Bietigheim-Bissingen: Geschichtsverein Bietigheim-Bissingen, 2011. 27 S.

Rusakovskiy, O. Ländliche Gesellschaft zwischen Krise und Anpassung. Die altwürttembergischen Ämter Besigheim und Bietigheim im Dreißigjährigen Krieg. Universität Tübingen, 2014 (рукопись)

Rusakovskiy, O. Raubmord oder Glaubenstat? Die Ermordung eines Franziskaners in Württemberg 1632, in: *Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte*. 2014. Bd 73. S. 201–214.

Sabean, D. W. Das zweischneidige Schwert: Herrschaft und Widerspruch im Württemberg der Frühen Neuzeit. Berlin: Reimer, 1986. 274 S.

Schäfer, G. Kleine Württembergische Kirchengeschichte. Stuttgart: Silberburg Verlag, 1964. 194 S.

Schindling, A. Das Strafgericht Gottes: Kriegserfahrungen und Religion im Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges. Erfahrungsgeschichte und Konfessionalisierung, in: *Das Strafgericht Gottes*. S. 11–51.

Schindling, A. Reichsinstitutionen und Friedensverwaltung nach 1648, in: *Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit: Die europäische Staatenordnung und die außereuropäische Welt* / Hrsg. von R. Asch, W. E. Voss, M. Wrede. München: Fink, 2001. S. 259–291.

Schlögl, R. Bauern, Krieg und Staat: Oberbayerische Bauernwirtschaft und frühmoderner Staat im 17. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. 421 S.

Schröder, D. Friedensfeste in Hamburg, 1629–1650, in: *Der Krieg vor den Toren*. S. 335–346.

Städtische Geschichtsschreibung im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit / Hrsg. von P. Johanek. Köln/Weimar/Wien: Böhlau, 2000. 356 S.

Theibault J. C. Jeremiah in the Village: Prophecy, Preaching, Pamphlets and Penance in the Thirty Years' War, in: *Central European History*. 1994. Vol. 27. P. 441–460.

Theibault, J. C. German Villages in Crisis: Rural Life in Hesse-Kassel and the Thirty Years' War, 1580–1720. Atlantic Highlands; NJ: Hamanities Press, 1995. 237 p.

Tolley, B. Pastors and Parishioners in Württemberg during the Late Reformation, 1581–1621. Stanford; California: Stanford University Press, 1995. 198 p.

Vann, J. R. The Making of a State: Württemberg, 1593–1793. Ithaca; NY: Cornell University Press, 1984. 321 p.

Verwüstet und entvölkert – der Dreißigjährige Krieg in Württemberg: Katalog zur Ausstellung des Hauptstaatsarchivs Stuttgart / Bearb. von A. Ernst. Stuttgart: Hauptstaatsarchiv Stuttgart, 1998. 101 S.

Vollständige, historisch und kritisch bearbeitete Sammlung der württembergischen Gesetze / Hrsg. von A. L. Reyscher. Stuttgart; Tübingen, 1828–1847.

Wahl, J. Lebensplanung und Alltagserfahrung: württembergische Pfarrfamilien im 17. Jahrhundert. Mainz: von Zabern, 2000. 286 S.

Zizelman, S. Um Land und Konfession: Die Außen- und Reichspolitik Württembergs (1628–1638). Frankfurt am Main: Lang, 2002. 426 S.

Zwischen Alltag und Katastrophe: Der Dreißigjährige Krieg aus der Nähe / Hrsg. Von B. von Krusenstjern, H. Medick. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. 625 S.

Лазарева, А. В. «Союз меча и языка»: Развитие немецкой национальной идеи в первой половине XVII в., В кн.: *Средние века*. 2018. Вып. 78. С. 99–118.

Прокопьев, А. Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585–1656): Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2011. 821 С.

Прокопьев, А. Ю. Поражение, бегство и реванш: Эбергард III Вюртембергский в Тридцатилетней войне, В кн.: *Universitas historiae. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова* / Под ред. А.О. Чубарьяна. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 409–419.

Русаковский, О. В. Круг чтения вюртембергского бюргерства первой половины XVII в. по имущественным описям, В кн.: *Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего нового времени. Сборник трудов в честь Всеволода Матвеевича Володарского*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 369–381.

References

Asche, M. Schindling, A. (Hrsg.) *Das Strafgericht Gottes: Kriegserfahrungen und Religion im Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges. Beiträge aus dem Tübinger Sonderforschungsbereich «Kriegserfahrungen, Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit»*. Münster: Aschendorff, 2001. 465 S.

Barnes, R. B. *Prophecy and Gnosis: Apocalypticism in the Wake of the Lutheran Reformation*, Stanford; California: Stanford University Press, 1988. 361 p.

Bentle, G. (Hrsg.) *Protokolle einer Katastrophe: Zwei Bietigheimer Chroniken aus dem Dreißigjährigen Krieg*. Bietigheim-Bissingen: Archiv der Stadt Bietigheim-Bissingen, 1998. S. 168–169.

Berg, Th. *Military Occupation under the Eyes of the Lord: Studies in Erfurt during the Thirty Years' War*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010, 395 p.

Blickle, P. *Kommunalismus: Skizzen einer gesellschaftlichen Organisationsform*. München: Oldenbourg, 2000. 196 S.

Ernst, A. (Bearb.) *Verwüstet und entvölkert -- der Dreißigjährige Krieg in Württemberg: Katalog zur Ausstellung des Hauptstaatsarchivs Stuttgart*. Stuttgart: Hauptstaatsarchiv Stuttgart, 1998. 101 S.

Friedeburg, R. von. *The Making of Patriots: Love of Fatherland and Negotiating Monarchy in Seventeenth-Century Germany*, in: *Journal of Modern History*. 2005. Vol. 77. P. 881–916.

Friedrichs, Chr. R. *Urban Society in an Age of War: Nördlingen, 1580–1720*. Princeton; NJ: Princeton University Press, 1979. 350 p.

Fritz, F. *Die württembergischen Pfarrer im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges*, in: *Blätter für württembergische Kirchengeschichte*. Bd 30. 1926. S. 42–87, 179–197; Bd 31. 1927. S. 78–101, 167–192; Bd 32. 1928. S. 289–311; Bd 33. 1929. S. 41–132, 191–296; Bd 34. 1930. S. 121–139, 153–211.

Gantet, C. *Peace Festivals and the Culture of Memory in Early Modern South German Cities*, in:

Friedrich, C. (Ed.) *Festive Culture in Germany and Europe from the Sixteenth to the Twentieth Century*. London: Edwin Mellen Press, 2000. P. 57 – 71.

Gotthard, A. *Konfession und Staatsräson: Die Außenpolitik Württembergs unter Herzog Johann Friedrich (1608–1628)*. Stuttgart: Kohlhammer, 1992. 498 S.

Haug-Moritz, G. *Die württembergische Ehrbarkeit: Annäherungen an eine bürgerliche Machtelite der Frühen Neuzeit*. Ostfildern: Thorbecke, 2009. 135 S.

Hippel, W. von. *Bevölkerung und Wirtschaft im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges. Das Beispiel Württemberg*, in: *Zeitschrift für historische Forschung*, 1978. Bd 5. S. 413–448.

Holenstein, A. *Bauern zwischen Bauernkrieg und Dreißigjährigem Krieg*. München: Oldenbourg, 1996. 159 S.

Kaufmann, Th. Dreißigjähriger Krieg und Westfälischer Friede: Kirchengeschichtliche Studien zur lutherischen Konfessionskultur. Tübingen: Mohr Siebeck, 1998. 196 S.

Kleinehagenbrock, F. Die Grafschaft Hohenlohe im Dreißigjährigen Krieg: Eine erfahrungsgeschichtliche Untersuchung zu Herrschaft und Untertanen. Stuttgart: Kohlhammer, 2003. 339 S.

Kohlmann, C. «Von unsern Widersachern den Baptisten vil erlitten und ussgestanden»: Kriegs- und Krisenerfahrungen von lutherischen Pfarrern und Gläubigen im Amt Hornberg des Herzogtums Württemberg während des Dreißigjährigen Krieges und nach dem Westfälischen Frieden, in: *Das Strafgericht Gottes*. S. 123–211.

Knauer, M., Tode, S. Der Krieg vor den Toren: Hamburg im Dreißigjährigen Krieg 1618–1648. Hamburg: Verlag des Vereins für hamburgische Geschichte, 2000. 504 S.

Kroener, B. R. Der Zweiunddreißigjährige Krieg – Kriegsende 1650, oder: Wie lange dauerte der Dreißigjährige Krieg?, in: Wegner, B. (Hrsg.) *Wie Kriege enden: Wege zum Frieden von der Antike bis zur Gegenwart*. Paderborn/München/Wien/Zürich: Schöningh, 2002. S. 67–93.

Krusenstjern, B. von. Selbstzeugnisse der Zeit des Dreißigjährigen Krieges: Beschreibendes Verzeichnis. Berlin: Akademie Verlag, 1997. 268 S.

Lazareva, A. «Soyuz mecha i yazyka»: Razvitie nemetskoy natsional'noy idei v pervoi polovine XVII veka [«An alliance of sword and language»: Development of the German national idea in the first half of the 17th century], in: *Srednie veka*, 2018. Vol. 78. P. 99–118 (in Russian)

Lehmann, H., Trepp, A-Ch. Im Zeichen der Krise: Religiosität im Europa des 17. Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. 645 S.

Marcus, K. H. The Politics of Power: Elites of an Early Modern State in Germany. Mainz: von Zabern, 2000. 288 p.

Mertens, D. Württemberg, in: Schaab, M. Schwarzmaier, H. (Hrsg.) *Handbuch der baden-württembergischen Geschichte. Bd 2. Die Territorien im Alten Reich*. Stuttgart: Kohlhammer, 1995. S. 1–163.

Mortimer, G. Did Contemporaries Recognize a Thirty Years' War?, in: *The English Historical Review*. 2001. Vol. 116. P. 124–36.

Neuburger, A. Konfessionskonflikt und Kriegsbeendigung im Schwäbischen Reichskreis: Württemberg und die katholischen Reichsstände im Südwesten vom Prager Frieden bis zum Westfälischen Frieden (1635–1651). Stuttgart: Kohlhammer, 2011. 586 S.

Oschmann, A. Der Nürnberger Exekutionstag, 1649–1650: Das Ende des Dreißigjährigen Krieges in Deutschland. Münster: Aschendorff, 1991. 718 S.

Press, F. Soziale Folgen des Dreißigjährigen Krieges, in: Schulze, W. (Hrsg.) *Ständische Gesellschaft und soziale Mobilität*. München: Oldenbourg, 1988. S. 239–268.

Prokopiev, A. Ioann Georg I (1585–1656), kurfyurst Saksonii. Vlast' i politicheskaya elita v konfessional'noy Germanii [John Georg I (1585–1656), Elector of Saxon. Power and power elite in the confessional Germany]. Saint-Peterburg: SPbU Publ., 2011. 821 p. (in Russian)

Prokopiev, A. Porazhenie, begstvo i revansh: Ebergard III Vyurtembergskii v Tridzatiletnei voine [The Deafeat, the escape and the revanche: Eberhard III of Württemberg in the Thirty Years' war], in: *Universitas historiae. Sbornik statei v chest' Pavla Yur'evicha Uvarova* / Ed. by A. O. Chubarian. Moscow: IVI RAN, 2016. P. 409–419.

Rusakovskiy, O. Krug chteniya vyurtembergskogo byurgerstva pervoi poloviny XVII v. po imushchestvennym opisyam [Reading practices of the Württemberg townsmen in the first half of the 17th century according to property inventories], in: *Iskusstvo i kultura Evropy epokhi Vozrozhdeniya i rannego novogo vremeni. Sbornik trudov v chest' Vsevoloda Matveevicha Volodarskogo*. Moscow/Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. P. 369–381.

Rathjen, J. Soldaten im Dorf: Ländliche Gesellschaft und Kriege in den Herzogtümern Schleswig und Holstein, 1625–1720; eine Fallstudie anhand der Ämter Reinbek und Trittau. Kiel: Verlag Ludwig, 2004. 323 S.

Rau, S. Geschichte und Konfession: Städtische Geschichtsschreibung und Erinnerungskultur im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung in Bremen, Breslau, Hamburg und Köln. Hamburg: Dölling und Galitz, 2002. 674 S.

Reppen, K. Seit wann gibt es den Begriff «Dreißigjähriger Krieg»? in: *Weltpolitik, Europagedanke, Regionalismus* / Hrsg. von H. Dollinger. Münster: Aschendorff, 1982. S. 59–70.

Reyscher, A. L. (Hrsg.) Vollständige, historisch und kritisch bearbeitete Sammlung der württembergischen Gesetze. Stuttgart; Tübingen, 1828–1847.

Robisheaux, Th. Rural Society and the Search for Order in Early Modern Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 297 p.

Roock, B. Der Dreißigjährige Krieg und die Menschen im Reich: Überlegungen zu den Formen psychischer Krisenbewältigung in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts, in: Krener, B., Pröve, R. *Krieg und Frieden: Militär und Gesellschaft in der Frühen Neuzeit*. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1996. S. 265–280.

Roock, B. Eine Stadt in Krieg und Frieden: Studien zur Geschichte der Reichsstadt Augsburg zwischen Kalenderstreit und Parität. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. 1127 S.

Rottenburger, C. Biblische Summarien, 1630. Nachdruck der Erstausgabe. Bietigheim-Bissingen: Geschichtsverein Bietigheim-Bissingen, 2011. 27 S.

Rusakovskiy, O. Ländliche Gesellschaft zwischen Krise und Anpassung. Die altwürttembergischen Ämter Besigheim und Bietigheim im Dreißigjährigen Krieg. Universität Tübingen, 2014 [Manuscript]

Rusakovskiy, O. Raubmord oder Glaubenstat? Die Ermordung eines Franziskaners in Württemberg 1632, in: *Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte*, 2014. Bd 73. S. 201–214.

Sabean, D. W. Das zweischneidige Schwert: Herrschaft und Widerspruch im Württemberg der Frühen Neuzeit. Berlin: Reimer, 1986. 274 S.

Schäfer, G. Kleine Württembergische Kirchengeschichte. Stuttgart: Silberburg Verlag, 1964. 194 S.

Schindling, A. Das Strafgericht Gottes: Kriegserfahrungen und Religion im Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges. Erfahrungsgeschichte und Konfessionalisierung, in: *Das Strafgericht Gottes*. S. 11–51.

Schindling, A. Reichsinstitutionen und Friedensverwaltung nach 1648, in: Asch, R., Voss, W. E., Wrede, M. (Hrsg.) *Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit: Die europäische Staatenordnung und die außereuropäische Welt*. München: Fink, 2001. S. 259–291.

Schlögl, R. Bauern, Krieg und Staat: Oberbayerische Bauernwirtschaft und frühmoderner Staat im 17. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. 421 S.

Schröder, D. Friedensfeste in Hamburg, 1629–1650, in: *Der Krieg vor den Toren*. S. 335–346.

Johanek, P. (Hrsg.) Städtische Geschichtsschreibung im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit. Köln/Weimar/Wien: Böhlau, 2000. 356 S.

Theibault J. C. Jeremiah in the Village: Prophecy, Preaching, Pamphlets and Penance in the Thirty Years' War, in: *Central European History*, 1994. Vol. 27. P. 440–460.

Theibault, J. C. German Villages in Crisis: Rural Life in Hesse-Kassel and the Thirty Years' War, 1580–1720. Atlantic Highlands; NJ: Humanities Press, 1995. 237 p.

Tolley, B. Pastors and Parishioners in Württemberg during the Late Reformation, 1581–1621. Stanford/California: Stanford University Press, 1995. 198 p.

Vann, J. R. The Making of a State: Württemberg, 1593–1793. Ithaca; NY: Cornell University Press, 1984. 321 p.

Wahl, J. Lebensplanung und Alltagserfahrung: württembergische Pfarrfamilien im 17. Jahrhundert. Mainz: von Zabern, 2000. 286 S.

Zizelman, S. Um Land und Konfession: Die Außen- und Reichspolitik Württembergs (1628 – 1638). Frankfurt am Main: Lang, 2002. 426 S.

Zwischen Alltag und Katastrophe: Der Dreißigjährige Krieg aus der Nähe / Hrsg. Von B. von Krusenstjern, H. Medick. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. 625 S.